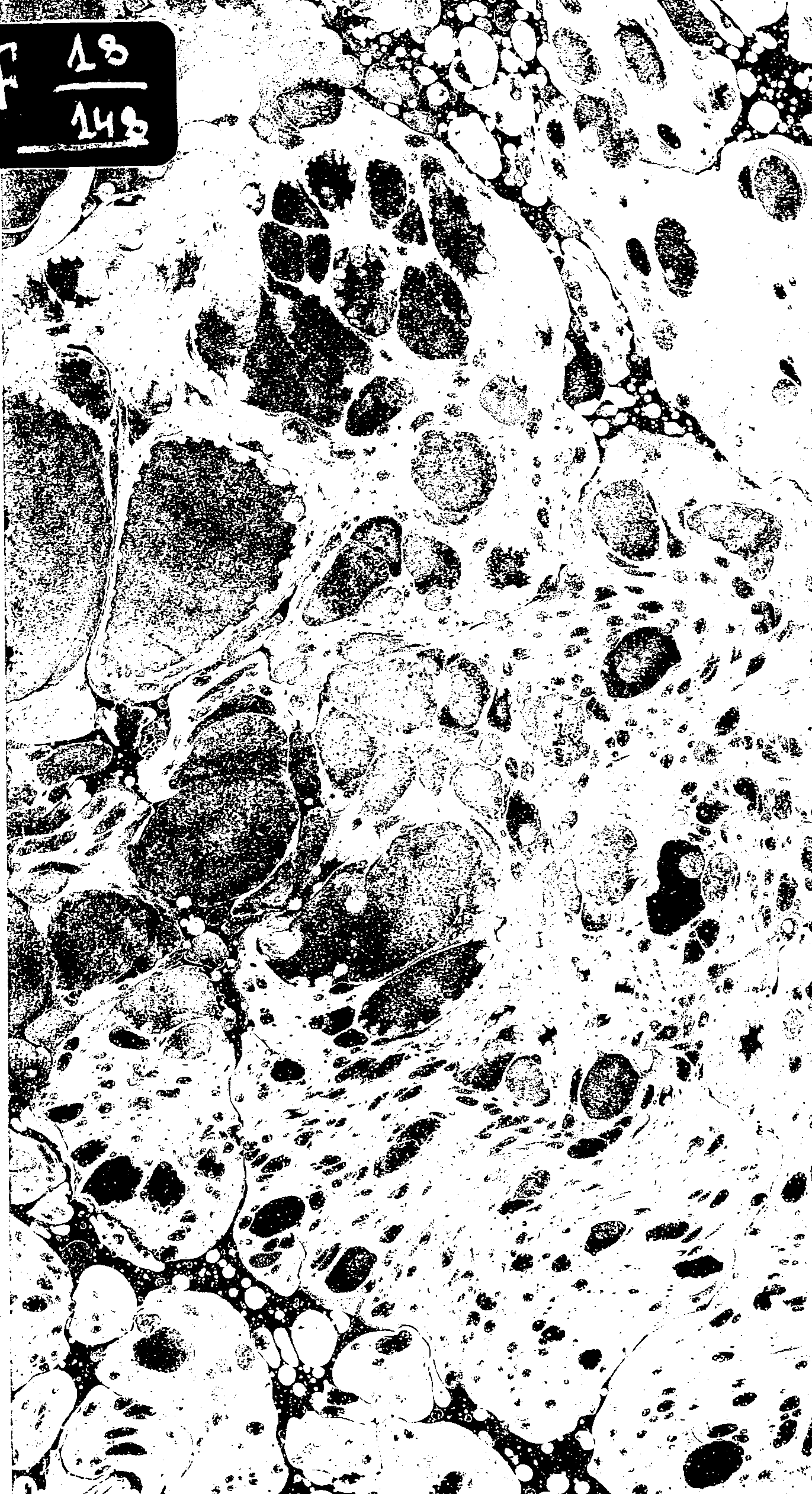

F 18
148

F 10
148

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ЧЕРНОГОРИЮ.

18
148
901-21
8524

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ЧЕРНОГОРІЮ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПОПОВА.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Мая 1-го дня 1846.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

2007056694

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ недавняго времени пробудился вопросъ о Славянахъ и занимаетъ всю Западную Европу. Его появленіе и образъ участія въ немъ совершенно отличны отъ всѣхъ другихъ вопросовъ, нѣкогда волновавшихъ и теперь волнующихъ Западъ. Описывая одно изъ славянскихъ племенъ, считаю нужнымъ, сколько возможно, опредѣлить свое отношеніе къ этому вопросу. Русскій, какъ Славянинъ, не можетъ и не долженъ отказаться отъ всякаго въ немъ участія, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ проснулся одновременно не у однихъ чуждыхъ намъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и у самихъ Славянъ. Волею или неволею, дѣятельно или страдательно, самое время, самый смыслъ вопроса заставляетъ насъ въ немъ участвовать. Это вопросъ Европы, къ которой принадлежимъ и мы, это вопросъ нашъ.

Еще недавно занималъ Европу вопросъ о Востокѣ. Толпы путешественниковъ по всѣмъ концамъ объѣзжали Восточную Азію и каждый

привозилъ новыя свѣденія, новыя данныя для науки. Съ ревностію устремлялось на нихъ ученое изслѣдованіе, трудолюбиво и прилѣжно разрабатывали факты; развились и прояснились исторія Востока, стали извѣстны памятники его искусства и науки, на широкихъ, новыхъ и болѣе прочныхъ размѣрахъ создавалась наука филологіи. Потомъ уже задумали ученые изрѣчь свой приговоръ Востоку, погадать объ его значеніи, во всемірной исторіи.

Не такъ занимаетъ Европу вопросъ о Славянахъ. Весьма немногіе изъ ученыхъ безпристрастно взялись за разработку фактовъ; это дѣло предприняли сами Славяне. Западные писатели только судятъ о Славянахъ; безъ труда и часто безъ занятія дѣла, они изрѣкаютъ имъ историческій приговоръ, прежде нежели изрѣкла его сама Исторія. При самомъ появленіи вопроса образовались партіи и возникли споры, прежде нежели сталъ извѣстнымъ самый предметъ спора.

Отъ чего же вопросъ о Славянахъ принялъ такой характеръ и при самомъ появленіи, иначе занялъ всю думающую и дѣйствующую Европу? Такой оборотъ дѣла зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ силы самаго вопроса, который не можетъ быть единственно вопросомъ науки,

но составляет вопросъ самой жизни и того на-
правленія, которое въ новое время начинаетъ
принимать сама наука.

Славяне еще не отжили, какъ Востокъ, но
живутъ и будутъ жить. Они, старожилы Евро-
пы, широко раздвинувъ свои общины по боль-
шей части Европейскаго материка, въ слѣдствіе
особыхъ судебъ историческихъ, менѣе всего бы-
ли слышны въ шумномъ говорѣ Европейской
исторіи. Они безмолствовали долго и вся ихъ
дѣятельность въ отношеніи къ другой части Ев-
ропы была чисто отрицательная; изрѣдка они
отвѣчали на вопросы, не ими предложенные ис-
торіи. Какая же тому причина? — Каждый на-
родъ въ той мѣрѣ отвѣчаетъ на общіе, человѣче-
скіе вопросы, въ какой онъ самъ по себѣ, сво-
имъ существованіемъ уже служитъ отвѣтомъ на
такой вопросъ. Точно такъ, какъ въ ходѣ мысли
есть свое неизмѣнное преемство и одна мысль
необходимо условливаетъ въ слѣдъ за собою по-
явленіе другой; такъ есть оно и въ общемъ хо-
дѣ человѣческаго просвѣщенія, въ общей жизни
народовъ. Каждый народъ, предназначенный
дѣйствовать исторически, выступаетъ на попрі-
ще только тогда, когда настанетъ время выска-
заться, развиться и овладѣть человѣческимъ со-

знаніемъ той мысли, которую онъ несознательно хранитъ въ своемъ непосредственномъ бытіи. До тѣхъ поръ онъ участвуетъ въ исторической жизни только отрицательно, полагая предѣлъ развитію мысли другаго народа, его предшественника, вноситъ противорѣчіе въ общую жизнь и тѣмъ возбуждаетъ быстроту ея движенія до той границы, въ слѣдъ за которой уже ему предназначено жить, дѣйствовать и мыслить.

Если не прежде, то по крайней мѣрѣ одновременно съ германскими племенами, появились въ Европѣ и племена славянскія; но у нихъ прежде развилась жизнь общественная, они прежде сдѣлались охотниками, торговцами, земледѣльцами и градостроителями. Но общественность Славянъ, основанная по преимуществу на понятіи объ общинѣ, противоположная характеру германцевъ, развившему значеніе человеческой личности, была ими разрушена на Западѣ Европы и на ея развалинахъ создавалась новая общественность подъ вліяніемъ римскимъ. Начала общественной жизни древняго Рима, созданныя на отвлеченномъ понятіи о гражданинѣ и на условныхъ юридическихъ отношеніяхъ гражданъ между собою, были равно противоположны и германской личности и славянской общинѣ.

Съ мечемъ въ рукахъ проникнувъ къ племенамъ германскимъ, они не долго бы уцѣляли и совершенно бы исчезли, послѣ паденія римской силы, какъ старыя формы, лишенныя содержанія, если бы латинская церковь не приняла ихъ, не освѣтила и не наполнила новымъ содержаніемъ. Мѣсто понятія о Римскомъ Государствѣ, символически выражавшемся въ лицѣ Императора, заступилъ Папа и понятіе о латинской Церкви. Мѣсто римскаго гражданина, въ котораго были только варвары, заступило понятіе о римскомъ католикѣ, въ котораго были христіане или язычники, но равно лишенные спасенія. Мѣсто отношеній юридическихъ, заступило отношеніе къ церковной власти, значеніе авторитета, по понятіямъ латинской Церкви. Только латинская Церковь дала возможность личности германца вмѣститься въ строгихъ формахъ римской общественности, примирить на время двѣ непримиряемыя противоположности. Но это противорѣчіе, допущенное въ началѣ, должно было разрѣшиться и разрѣшилось въ послѣдствіи.

Если обратимъ вниманіе на состояніе европейскаго общества, развившагося подъ вліяніемъ латинской Церкви, то замѣтимъ, что она, признавая германскія начала, давала имъ второе ро-

пенное мѣсто въ общественной жизни и личность германца употреблена только, какъ простое орудіе. Неукротимый воинъ языческій германецъ, разрушившій Римскую Имперію, остался тѣмъ же воиномъ и послѣ принятія христіанства, но только поборникомъ латинской Церкви. Съ мечемъ въ рукѣ онъ понесъ Христіанскую проповѣдь, ученіе міра въ земли Славянскія. Въ понятіяхъ Рима и предъ мечемъ германца языческій Вендъ и Восточный Христіанинъ Чехъ, были равны. Они дѣйствовали противъ нихъ однимъ и тѣмъ же орудіемъ. Этого военный характеръ отразился и въ бытѣ германскомъ, которое создалось на дружинномъ началѣ. Въ дружинѣ общественная связь не основана, ни на племенномъ единствѣ, въ которомъ равно исчезаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдываются отдѣльныя лица, ни на единствѣ поземельномъ (территоріальномъ); но на случайномъ, военномъ соотношеніи одного лица съ другими. Произшло устройство феодальное, освободившее немногія лица и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ поработившее многихъ. Рабство и произволъ, какъ противоположности взаимно условливающія другъ друга, въ обществѣ основаннымъ на внѣшней силѣ, происходятъ въ одно и то же время и составляютъ

то глубокое противорѣчіе, котораго постепенное разрѣшеніе представляетъ вся исторія общественной жизни Европы. Уже самъ феодализмъ былъ протестомъ противу латинской церкви, но въ то же время онъ еще не вполне выражалъ германскія начала. Освобожденіе немногихъ лицъ еще высказывало вполне основной мысли германскаго племени, о полномъ развитіи личности. Былъ сдѣланъ первый шагъ, но условливавшій дальнѣйшій ходъ, который однако же долженъ былъ совершаться постепенно, ибо все тяготѣли еще римскія узы. Началось постепенное освобожденіе, не цѣлыхъ племенъ и народовъ, но отдѣльныхъ лицъ, которыхъ взаимныя отношенія условливались случайными обстоятельствами. Развилось понятіе о сословіяхъ, основанныхъ на томъ же дружинномъ началѣ и рядъ сословій изчерпалъ все содержаніе народа. Хотя народъ этимъ и не былъ уничтоженъ, но за то лишенъ живаго единства. Тогда наконецъ, и это въ наше время, пробудилась мысль о народѣ, о новыхъ общественныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на болѣе прочныхъ началахъ, нежели случайный, ясно выраженный или подразумеваемый, договоръ. Окончательное развитіе личности привело къ требованіямъ началъ об-

щественныхъ, не заключающихся въ области этой личности.

Рядомъ съ борьбою лица, съ началами общественной жизни, внесенными Римомъ въ исторію новаго просвѣщенія, длилась другая борьба личнаго разума съ преданіемъ, познанія раціональнаго, доступнаго отдѣльному лицу и имъ оправдываемаго, съ познаніемъ общимъ, независимыхъ отъ лицъ, съ откровеніемъ покоющимся въ недрахъ народа и церкви. Реформація дала побѣду личному познанію, а раціональное, логическое направленіе науки развило его до послѣдней крайности. Тогда наконецъ и это въ наше время, пробудилось общее недовольство такимъ познаніемъ и обнаружилось требованіе вѣры и общаго знанія, въ которомъ бы пересталъ блуждать личный разумъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдался, войдя въ свои надлежащіе предѣлы. Что же дѣлали въ продолженіе такого развитія личности народы славянскіе?

Въ общественное устройство Германіи они забросали случайныя отрывки понятія объ общинѣ, о поземельныхъ отношеніяхъ, судѣ присяжныхъ и т. п., въ лицѣ Гуса подняли знамя освобожденія отъ Римской власти, въ лицѣ Якова Бема, Лейбница и др. вводили общія начала

познанія въ исторію развитія личнаго разума. Но феодальное устройство разрушило начатки славянской общественности, Гусь былъ сожженъ и Лютеръ одержалъ побѣду, отрицательное, логическое познаніе поглотило всю область науки.

Между тѣмъ постоянно длилась война германскихъ племенъ съ Славянами; сначала война религіозная, окончившаяся обращеніемъ западныхъ Славянъ къ латинской Церкви, потомъ война политическая, лишившая Славянъ политической независимости и наконецъ война германской народности съ народностію славянскою, которой цѣль состояла въ томъ, чтобы вполне уничтожить послѣднюю. Побѣда увѣнчала первыя войны германцевъ, но не могла увѣнчать послѣдней. Кромѣ Славянъ западныхъ, были еще другія, которымъ суждено было, не смотря на многочисленныя чуждыя вліянія, на историческія несчастія, сохранить въ большей чистотѣ и свою народность и Христіанство, не искаженное латинскою Церковію. Не смотря однако же на то, что Славяне не были побѣждены въ послѣдней борьбѣ, они потеряли многое. Прибалтійское поморье лишилось своей народности, великое племя Вендовъ, сохранилось только по имени, въ предѣлы другихъ вторглось много пле-

мень разнородныхъ, разобщило и лишило ихъ единства. Въ концѣ прошедшаго столѣтія Европа уже начинала забывать о существованіи Славянъ, какъ въ племенахъ славянскихъ вдругъ пробудилось сознаніе своей народности, стремленіе къ сохраненію и развитію еще уцѣлѣвшихъ остатковъ и возвращенію потеряннаго. И это случилось въ то время, какъ Европейское просвѣщеніе, умственное и общественное, коснулось тѣхъ вопросовъ, которымъ не находило разрѣшенія въ области, пройденной имъ жизни и когда сильно распространилась потребность новыхъ началъ. Конечно въ такое время появленіе новой народности, заключающей въ себѣ новыя начала умственной и общественной жизни, не могло не привлечь къ себѣ вниманія. Но тотъ рядъ отношеній, въ которыхъ славянскіе племена въ продолженіи столѣтій находились къ племенамъ германскимъ, еще не заключился; еще также дѣйствуетъ, хотя частнымъ образомъ и религіозная пропаганда западной Церкви, также какъ и прежде Гурокъ и Маджаръ по праву побѣдителя не признають личности въ побѣжденномъ славянинѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ развилось уже и народное самосознаніе. Такое положеніе указываетъ на то, что исторія только что